

Катастрофа 1941 года в Белоруссии

М.Ю. Мягков

Статья посвящена первым дням Великой Отечественной войны, трагическим событиям, развернувшимся в Белоруссии после начала германской агрессии. В материале, основанном на новых документах из российских архивов, показаны причины катастрофы Западного фронта генерала Павлова, истоки неудач советских войск в приграничных сражениях. Анализ источников позволяет воссоздать более целостную картину боев июня–июля 1941 г., оказавших воздействие на планы Германии по молниеносному разгрому Советского Союза.

Еще многие тайны хранит 1941 год. «В нем, – как отмечали авторы труда «1941 год – уроки и выводы», – заложен узел противоречий, порождающий массу проблемных вопросов, которые до сих пор остаются либо не раскрытыми глубоко, либо преподносятся субъективно. К этому периоду относится и один из главных вопросов истории – как могло это все случиться, каковы причины и истоки?»¹ Спустя два десятилетия после выхода в свет этой книги историки продолжают «работать над ошибками». Вышло в свет двухтомное издание, подготовленное российскими, украинскими и белорусскими учеными «1941 год. Страна в огне»². Еще одним трудом, в котором на основе новых, недавно рассекреченных, документов делается попытка раскрыть истоки катастрофы нашей армии 70-летней давности, стал 2-й том фундаментальной работы «Великая Отечественная война 1941–1945», издающейся по Указу Президента Российской Федерации³.

Германское командование, наметившее летом 1941 г. нанести главный удар на московском направлении, имело к началу войны в составе группы армий «Центр» 2-ю и 3-ю танковые группы, 4-ю и 9-ю полевые армии; всего 50 дивизий, из них 31 пехотную, 9 танковых, 6 моторизованных, 1 кавалерийскую. В июле 1941 г. в полосе группы были введены дополнительные резервы и управление целой армии – 2-й полевой. На 22 июня 1941 г. группа фон Бока насчитывала (без

учета сил 3-й танковой группы) 634,9 тыс. чел., 12,5 тыс. орудий и минометов, 810 танков, 1677 самолетов 2-го воздушного флота. 3-я танковая группа, которой первоначально предстояло действовать против советских войск Северо-Западного фронта, имела в своем составе 783 танка⁴.

Западный Особый военный округ (с началом войны – Западный фронт, командующий генерал армии Д.Г. Павлов) включал 3, 4, 10 и 13-ю армии, 4-й воздушно-десантный, 21-й и 47-й стрелковые, а также 17-й и 20-й механизированные корпуса. Армии округа насчитывали в общей сложности 678 тыс. человек, 10 296 орудий и минометов калибром выше 50 мм, 2189 исправных танков и 1539 боеготовых самолетов⁵. К началу войны из внутренних районов округа ближе к границе, как и предусматривало решение высшего командования, продолжали выдвигаться войска второго эшелона (2, 47, 44, 21-й стрелковые корпуса). Наиболее боеспособные войска 10-й армии находились в лагерях и казармах в белостокском выступе – в непосредственной близости от границы.

Сведения о развертывании по ту сторону границы наступательной группировки вермахта стали поступать в штаб ЗапОВО заблаговременно, еще с начала 1941 г. Накануне войны поток тревожной информации возрос в разы. Так, 4 июня 1941 г. начальник разведотдела штаба округа полковник С.В. Блохин представил генералу Пав-

Мягков Михаил Юрьевич – д.и.н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России, заведующий Центром истории войн и геополитики Института всеобщей истории РАН.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

лову спецсообщение «О подготовке Германией войны против СССР». Агентурными данными была установлена разгрузка большого количества железнодорожных составов с авиабомбами, порохом, посадка на аэродромах крупных соединений авиации. Вывод начальника разведотдела ЗапОВО гласил: «Сведения о форсированной подготовке театра и об усилении группировки войск в полосе против ЗапОВО – заслуживают доверия»⁶.

Более того, как отмечают современные исследователи, к началу июня 1941 г. Генеральный штаб не только знал в основном о намерении Германии в ближайшее время напасть на СССР, но и «располагал фактическими данными о завершающем сосредоточении войск противника и сроках его нападения». Генштаб, командующие округами, в том числе командование ЗапОВО, не могли игнорировать такие вопиющие факты, как:

- увеличившееся число перелетов советской границы германской авиацией (только за 20–21 июня – 60 раз);

- рост задержаний вражеских диверсантов и лазутчиков (только за 10 суток июня – 108 чел.)⁷.

Как вело себя руководство Западного округа во главе с Павловым? На этот вопрос помогают ответить материалы, подготовленные в целях реабилитации генералов Д.Г. Павлова, В.Е. Климовских, А.А. Коробкова и др., приговоренных летом 1941 г. к расстрелу за поражение Западного фронта в начале Великой Отечественной войны. Ряд офицеров, выживших в тех боях, оставили в 1956 г. записки для заместителя начальника Генерального штаба по военно-научной работе генерала армии В.В. Курасова. Вот что писал, например, о действиях Павлова бывший начальник оперативного отдела штаба ЗапОВО генерал-майор Б.А. Фомин: «Павлов тщательно следил за подготовкой театра военных действий... К началу войны на всем протяжении вдоль границы были созданы полевые оборонительные полосы с дзотами. Что же касается УРов, то они к началу войны не были построены и вооружены. Тщательно следя за дислокацией войск противника, Павлов неоднократно возбуждал вопрос перед наркомом обороны о передислокации войск округа из глубины в приграничный район... В действиях и поступках Павлова как в предвоенный период, так и во время ведения тяжелой оборонительной операции лично генерал Фомин не усматривал ни вредительства, а тем более предательства»⁸.

Мнение Фомина достойно внимания, но оно, к сожалению, оставляет за скобками следующий вопрос: если Павлов знал, что немцы готовят «внезапное» нападение, что же он все-таки сделал для того, чтобы не растерять все свои силы в первые же дни войны? Возможно, верна версия о том, что генерал не ожидал нападения ранее первой половины июля⁹. Обратимся в этой связи к записке бывшего командующего 3-й армией ЗапОВО генерал-полковника В.И. Кузнецова, направленной в 1956 г. все тому же генералу Курасову. В ней, в частности, говорилось: «... в свое время (еще до начала войны) все командующие армиями, в том числе и

я, докладывали Павлову о совершенно открытой подготовке немцев к войне. Так, например, нами было точно установлено сосредоточение крупных сил немцев в Августовских лесах юго-восточнее Сувалки. В наших руках также были подметные письма, в которых указывалось примерное время перехода немцев в наступление. Тем не менее Павлов за несколько дней до начала войны приказал всю артиллерию округа отправить на артиллерийские стрельбы за несколько сот километров от границы. Этот приказ был, насколько мне известно, выполнен полностью командующим 4-й армией Коробковым, частично командующим 10-й армией генералом Голубевым и не выполнен мною, так как за несколько дней до начала войны мною было подготовлено и проводилось учение по отработке вопросов прикрытия границы и войска (4 ск) были выведены к границе». Кузнецов не видел ничего предательского в действиях Павлова и Климовских, но отмечал, что они «просто не сумели овладеть и не справились с обстановкой начального периода войны».

Мнение о том, что Павлов и его штаб «не овладели и не справились с ситуацией» в начальный период войны представляется верным. С другой стороны, едва ли кто возьмется доказать возможность предотвращения разгрома войск Западного фронта при другом, более волевым и опытным командующем. Очевидно, что истоки трагедии Западного фронта закладывались в предвоенное время. Но генерал Павлов не сделал всего возможного для предотвращения наихудшего развития сценария боевых действий после начала агрессии.

В качестве причин неготовности войск РККА к внезапному нападению Германии можно в полной мере отнести и неудовлетворительное состояние авиации. В группировке советских ВВС из 79 дивизий 48 дивизий базировались в приграничных округах (15 – входили в состав армий, 20 – подчинялись округам, 13 – были в распоряжении Главного командования)¹⁰. Это была более чем внушительная цифра. Но за первый же день боев ВВС Западного фронта потеряли 738 самолетов, из них 528 самолетов на земле, что составило около 40 % самолетного парка Западного фронта или 63,7 % всех потерь авиации на советско-германском фронте за 22 июня¹¹.

О трагической судьбе советской авиации, дислоцированной накануне войны в Белоруссии, красноречиво свидетельствует «Отчет о боевой деятельности военно-воздушных сил Запфронта за 1941 г.». Истребительные, бомбардировочные и смешанные авиадивизии ВВС ЗапОВО находились в 1939—начале 1941 г. в стадии интенсивной реорганизации или только начали свое формирование. Приходилось считаться с тем, что авиачасти только что передислоцировались на бывшие польские аэродромы в Западной Белоруссии, которых было крайне недостаточно, и приступили к строительству новых взлетных площадок. Боевая подготовка происходила в невероятно стесненных условиях. В лучшую сторону отличалась подготовка летчиков, прошедших

финскую кампанию, но таких было меньшинство. К апрелю 1941 г. боевая готовность авиачастей характеризовалась в упомянутом выше отчете следующим образом: «Истребители – небоеспособны (в воздухе почти не стреляли и воздушных боев не вели); бомбардировщики – ограниченно боеспособны (мало бомбили, мало стреляли, мало летали на маршрутные полеты)... Штурмовиков округ вовсе не имел»¹².

Недостаток в приграничных округах взлетных площадок, скученность советских самолетов на ограниченном пространстве, отсутствие аэродромов маневрирования стали одной из главных причин громадных потерь ВВС РККА в первые дни войны. Запасы горючего и бомб были созданы прежде всего в ближайших к границе авиагарнизонах, что сразу подставило их под первый уничтожающий удар. На маневре авиачастей в Белоруссии исключительно пагубно отразилось строительство взлетно-посадочных полос сразу на 60 объектах, чего, по мнению авторов отчета о ВВС Западного фронта, сразу делать было нельзя. Таковы далеко неполные факты состояния дел в ВВС ЗапОВО накануне войны.

Сходные организационные и боевые недостатки отмечались во всех приграничных округах. Среди прочих – недостаточное изучение вероятного противника, незнание его тактики боя, отсутствие хорошей разведки, тогда как врагу фактически досконально были известны все наши передовые аэродромы. Запрет на уничтожение немецких самолетов, летавших над нашей территорией, привел к негативным последствиям стратегического масштаба. Кроме того, германское командование имело разветвленную сеть шпионажа в приграничной полосе, что дало ему возможность на первых порах деморализовать управление войсками, в том числе авиасоединениями, и внести серьезную панику в сознание неустойчивых людей. В этих условиях приходится только удивляться высокому морально-боевому настрою большинства советских летчиков, мужественно встретивших врага в первые часы войны.

Тяжелое положение оставалось перед войной и с укомплектованием приграничных округов современной бронетехникой, прежде всего танками. Это также явилось одной из главных причин неготовности Красной армии к отражению агрессии. Формирование новых механизированных корпусов проводилось в основном на базе боеспособных и слаженных соединений. Вместо танковых (механизированных) бригад и дивизий создавались мехкорпуса, не обеспеченные необходимым количеством техники и обученным личным составом. Появление в кратчайшие сроки большого количества таких соединений привело в итоге не к повышению, а к снижению боеспособности армии.

Характерную иллюстрацию положения дел во вновь создаваемых механизированных корпусах ЗапОВО дает доклад Автобронетанкового управления округа от 4 мая 1941 г. Согласно сводной ведомости, мехкорпусам по штату 756 тяжелых танков КВ и 2520 танков Т-34, а на

середину апреля имелось соответственно 95 и 74. Освоение новой техники находилось в зачаточном состоянии. Не хватало и старых машин БТ-5 и БТ-7, в то время как танков Т-26 было сверх штата почти на 1 тыс. единиц. Большая нехватка была в бронемашин БА-10 и БА-20, легковых и грузовых автомобилях, тогда как многие имевшиеся в наличии требовали капитального ремонта. Тем не менее командующий войсками округа считал необходимым закончить укомплектование мехкорпусов боевыми и вспомогательными машинами к 1 июля 1941 г. Последнее желание Павлова, очевидно, было невыполнимо из-за отсутствия необходимого поступления танков, большого количества неисправных машин и слабой ремонтной базы¹³.

Неудовлетворительным к началу боевых действий оставалось пополнение частей личным составом. Общая укомплектованность вновь сформированных механизированных корпусов ЗапОВО в апреле 1941 г. комначсоставом составляла 26,7 %, младшим начсоставом – 24,6%, рядовым составом – 60,4%. В лучшую сторону выделялся 6-й мехкорпус, обеспеченный комначсоставом до 75–80%, а младшим начсоставом и рядовым составом – полностью. Но и здесь в дивизиях, которых намечали оснастить танками Т-34 и КВ, имелось соответственно 47 и 46% таких новых машин от положенных по штату. Танковые дивизии ЗапОВО (равно как и других приграничных округов) являлись лишь ограниченно боеспособными, а многие оставались полностью небоеспособными. Тем не менее политико-моральное состояние личного состава советских войск оставалось достаточно здоровым. Солдаты и командиры в большинстве своем понимали задачи момента, непростую международную ситуацию и принимали «все меры к тому, чтобы быстрее закончить организационную работу и развернуть нормальную боевую и политическую подготовку»¹⁴. И это было правдой. При ином настрое красноармейцы просто разбежались бы при первых выстрелах врага, не оказав никакого сопротивления.

К обстоятельствам, предопределившим трагедию первых дней войны, относится и тот факт, что военные советы всех приграничных округов, включая ЗапОВО, упустили из рук чисто оборонительные мероприятия борьбы с потенциальным противником: создание на его пути плотного заслона из минных полей, минирование мостов через реки, организацию надежной охраны линий связи. Все эти меры не могли дать повода для провокации. Получилось же все по-иному – немецкие танки захватывали переправы через Буг абсолютно не поврежденными, а перерезанные диверсантами линии связи внесли полный хаос в организацию управления советскими войсками. Высокие темпы германского продвижения на восток были таким образом предопределены с самого начала.

Войска не были подготовлены психологически к нападению противника. Войну и ждали, и в то же время не хотели прощаться с мирной

жизнью. Да, было Сообщение ТАСС от 14 июня 1941 г., но было и отсутствие жесткости в дисциплине в самих войсках. Требовательность подменялась снисходительностью, что не замедлило сказаться в первый же день войны. Несмотря на явную угрозу войны, до самого 22 июня не прекращались отпуска офицеров. Многие части находились на учениях, некоторые на сборах или вели работы по строительству оборонительных сооружений. Лишь незначительный процент командиров накануне войны был переведен на казарменное положение.

Еще до восхода солнца государственную границу СССР пересекли первые вражеские самолеты, а с рассветом противник начал сильный артиллерийский обстрел советских войск, расположенных вблизи границы. Первыми приняли на себя удар советские пограничники. Расчет противника на то, что он с ходу уничтожит погранзаставы и не встретит здесь сильного сопротивления, не оправдался. Не имея тяжелого вооружения, пограничники в большинстве случаев отчаянно сопротивлялись и нанесли немалый урон врагу. Так, застава 9-го Брестского погранотряда во главе с лейтенантом А.М. Кижеватым самоотверженно сдерживала натиск ударной группы 45-й пехотной дивизии вермахта. Заняв позиции в развалинах казармы, пограничники не пропустили через себя атакующие цепи немцев. Дело не раз доходило до рукопашной схватки. Советские воины, даже будучи ранеными, находясь в окружении, не покидали позиций и сражались до последнего.

Ударные группировки объединения фон Бока, как это было и предусмотрено планом, развернули наступление из районов западнее Гродно и южнее Бреста – на флангах белостокского выступа. В 6 ч 40 мин утра командующий 4-й армией ЗапОВО генерал А.А. Коробков доносил Д.Г. Павлову: «22.06 противник начал обстрел крепости Брест и района города Бреста. Одновременно противник начал бомбардировку авиацией аэродромов Брест, Кобрин, Пружаны. К 6.00 артиллерийский обстрел усилился в районе Бреста. Город горит. 42, 6 и 75 сд (и 22 и 30 тд) выходят в свои районы; о 49 сд данных нет...»¹⁵. С каждым часом положение становилось все более угрожающим. В большинстве районов вторжения советские части были застигнуты врасплох. Так, только одна 22-я танковая дивизия, дислоцировавшаяся в Южном городке г. Бреста, при выходе из него потеряла большую часть танков, свыше 50% автомобилей, все запасы боеприпасов и 20% личного состава. Фактически лишились управления штабы 14-го механизированного и 28-го стрелкового корпусов. Особенно большие потери понесли 6 и 42 сд. В первые же часы войны было выведено из строя до 50% войск, находившихся в Брестской крепости. Но соединения, в которых до начала агрессии удалось провести мероприятия по повышению боеготовности, успели выдвинуться на предназначенные им позиции и встретили удар более организованно.

В действиях штаба и командования Западного ОВО (Западного фронта) в эти часы присутствовала явная растерянность, вызванная прежде всего запоздалым распоряжением приведения войск в боевую готовность и несовершенной системой оповещения войск. Примечательно, что лишь в 5 ч 25 мин Военный совет фронта направил командующим 3, 10 и 4-й армиями директиву: «...поднять войска и действовать по-боевому»¹⁶. В это время германские танковые колонны уже вовсю давили гусеницами расположения наших частей.

Непосредственно перед вторжением в тыл советских войск были выброшены группы диверсантов, которые стали рвать связь, перехватывать и убивать посыльных. Штаб фронта сразу же лишился устойчивой связи с армиями. Отсутствие надежной связи нашего командования с подчиненными силами фактически парализовало руководство боями. Днем 22 июня Павлов получил лишь разрозненные сведения о сражающихся частях и смутно представлял себе ситуацию на фронте. Более того, план прикрытия, которым руководствовались командование фронта и армий, не был рассчитан на столь быстрое развитие событий.

Неизвестность, неточная информация, неразбериха и паника стали главными особенностями в управлении войсками Западного фронта 22 июня 1941 г. Бойцы и командиры испытали тогда величайший шок, который хорошо виден из текста шифрограммы Военного совета Западного фронта подчиненным войскам, отправленной вечером того же дня. «Опыт первого дня войны, – говорилось в ней, – показывает неорганизованность и беспечность многих командиров, в том числе больших начальников. Думать об обеспечении горючим, снарядами, патронами начинают только в то время, когда патроны уже на исходе, тогда как огромная масса машин занята эвакуацией семей начальствующего состава, которых к тому же сопровождают красноармейцы, то есть люди боевого расчета. Раненых с поля боя не эвакуируют, отдых бойцам и командирам не организуют, при отходе скот, продовольствие оставляют врагу».

Уже к вечеру 22 июня германские войска, вторгшиеся на советскую территорию, достигли больших успехов. Начавшие выдвижение на исходные позиции советские дивизии неожиданно оказывались лицом к лицу с наступавшими в развернутом порядке соединениями врага, вступая во встречные бои по частям, разрозненно. Вслед за директивой № 1, предупреждавшей о возможной агрессии, но предупреждавшей не поддаваться на провокации, утром и вечером 22 июня штаб Западного фронта получил из Москвы еще две директивы (№ 2 и № 3). Директива № 2 (отправлена в 7.15) требовала разбить вторгшиеся части противника, но границу не переходить (И.В. Сталин все еще не был уверен, что это не провокация), но уже к вечеру директивой № 3 (отправлена в 21.15) советское верховное руководство потребовало перехода в решительное наступление. Для выяснения обстановки на фронт из Москвы были

направлены несколько высших военачальников, том числе к Д.Г. Павлову маршалы Б.М. Шапошников и Г.И. Кулик, генералы В.Д. Соколовский и Г.К. Маландин.

Западный фронт должен был во взаимодействии с Северо-Западным фронтом разбить сувалкскую группировку противника и уже 24 июня занять город Сувалки. На основании донесений фронтов Генштаб и Наркомат обороны делали заключение, что наиболее крупные силы враг сосредоточил на сувалкском и люблинском направлениях. Мощную группировку противника, наносящую удар из района Бреста, советское командование недооценивало. Поэтому все внимание обращалось на возможный охват белостокского выступа с севера – через район Гродно. Получив поздно вечером 22 июня директиву № 3, Павлов стал планировать контрудар в районе Гродно. Южному крылу фронта (4-й армии) ставилась задача начать наступление с 5 часов утра 23 июня с целью уничтожения противника восточнее Буга и занятия Бреста¹⁷.

При том положении, которое занимали противоборствующие стороны на начало второго дня войны, контрудары с такими целями не имели даже малейшего шанса на успех. 23–25 июня была произведена попытка контрудара силами 6-го и 11-го механизированных корпусов и 36-й кавалерийской дивизии, объединенных в группу генерала И.В. Болдина, с целью перехватить у врага инициативу и реализовать положения директивы № 3. Однако уже на этапе сосредоточения войск возникли неразрешимые проблемы, которые привели к поражению советских группировок. При других обстоятельствах контрудар этих сил мог бы серьезно повлиять на обстановку. Ведь только 6-й мехкорпус имел 1022 танка, в том числе 352 новых Т-34 и КВ. Но неподготовленное наступление при господствующей в небе авиации противника оказалось обреченным на провал.

Выдвигавшиеся на исходные позиции дивизии подвергались ожесточенным ударам с воздуха, поврежденную технику из-за отсутствия ремонтной базы приходилось бросать на обочинах. Части 6-го мехкорпуса после длительного марша подходили к фронту разрозненно, с ходу бросались в бой, и уже к ночи 23 июня наступление выдохлось из-за огромных потерь, отсутствия горючего и боеприпасов. Противник не только не был остановлен, но в тот же день ворвался в Гродно. На следующий день советские атаки возобновились, но успеха не принесли. Ряд характерных деталей первых часов и дней войны на этом участке фронта присутствует в рапорте начальника 3-го отдела 10-й армии полкового комиссара Лося от 15 июля 1941 г. В нем, в частности, говорилось: «Примерно в 1 ч 22 июня бывший командующий ЗапОВО Павлов позвонил по ВЧ и приказал привести войска в план боевой готовности, сказав, что подробности сообщит шифром. В соответствии с этим были даны указания всем командирам частей. Около 3 ч все средства связи были порваны. Полагаю, что противником до

начала бомбардировки были сброшены парашютисты и ими выведены все средства связи. К 10–11 ч шифровка прибыла... Хорошо помню, что в ней говорилось: привести войска в боевую готовность, не поддаваться на провокации и государственной границы не переходить¹⁸.

Далее полковой комиссар Лось докладывал о тяжелом отступлении частей армии, бомбежках немецкой авиации шоссе Белосток–Волковыск, которое было забито трупами людей, брошенными автомашинами, танками, боеприпасами и пробраться по которому было совершенно невозможно. На р. Нарев, по его словам, вышли по существу разбитые войска, имеющие в дивизиях очень незначительное количество людей, а от таких соединений, как 13-й мехкорпус, остался только один штаб. Автор рапорта заключает: «Войска армии оказывали сопротивление до 26 июня – после чего началось беспорядочное отступление... Панике способствовало то, что в ночь на 23 июня позорно сбежало все партийное и советское руководство Белостокской области. Все сотрудники органов НКВД и НКГБ во главе с начальниками органов также сбежали... Белосток остался без власти... Враждебные элементы подняли голову. Освободили из тюрем 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи и погромы в городе, открыли стрельбу из окон по проходящим частям и тылам...»¹⁹.

На южном фланге Западного фронта 23 июня 14-й мехкорпус 4-й армии также контратаковал противника и даже смог продвинуться на несколько километров к Бресту, но силы здесь были слишком не равны, и наступление быстро выдохлось. Не добившись существенных результатов, советские войска понесли огромные потери. Мехкорпуса фактически потеряли свою ударную силу. Так, в 11-м мехкорпусе из 243 танков осталось 50, а в 14-м мехкорпусе из 518 танков – 25²⁰. Все усилия Ставки и Западного фронта остановить германское наступление, в том числе с привлечением дополнительных сил авиации, оканчивались неудачей. Современные белорусские исследователи отмечают, что причинами разгрома бронетанковых войск Западного фронта в ходе приграничного сражения «были отнюдь не количественное и качественное превосходство вражеской техники... а просто безграмотные и, по существу, бездарные действия командного состава РККА»²¹.

Пока 4-я советская армия отступала от Бреста, героические защитники Брестской крепости практически ничего не знали о развитии ситуации на фронте. Для них главным было держаться до подхода основных сил. На момент начала войны гарнизон крепости, состоявший, в основном, из подразделений 6-й и 42-й стрелковой дивизий 28-го стрелкового корпуса РККА, существенно сократился ввиду участия многих военнослужащих в плановых учебных мероприятиях. Операция по захвату крепости была начата германскими войсками с интенсивной артиллерийской подготовки, разрушившей значительную часть строений и уничтожившей большое число бойцов гарнизона. Немцам вско-

ре удалось взять всю крепость в кольцо блокады. До этого момента покинуть ее удалось, по некоторым оценкам, до половины личного состава, размещенного в комплексе частей. В итоге крепость защищали порядка 3,5 тыс. чел.

Командование объединенными силами защитников было возложено на капитана И.Н. Зубачева, заместителем которого стал полковой комиссар Е.М. Фомин. Против гарнизона противник применил тяжелую артиллерию, авиацию, использовал зажигательные боеприпасы и слезоточивый газ (немцы подтянули полк тяжелых химических минометов). Оборонявшиеся испытывали острую нехватку продовольствия. Особенно тяжело переносилась жажда. Немецкая пуля подстерегала каждого, кто пытался достать воду из каналов. К началу июля, после особенно массовой бомбардировки и артиллерийского обстрела, противнику удалось захватить укрепления на Центральном острове, уничтожив тем самым главный очаг сопротивления. С этого момента борьбу с гитлеровцами продолжали разрозненные группы наших бойцов. Действия этих групп и одиночек продолжались до конца июля и даже до начала августа 1941 г. Уже после войны в казематах Брестской крепости была найдена надпись, высеченная одним из защитников: «Я умираю, но не сдаюсь. Прощай, Родина. 20 июля 1941 г.»²²

Тем временем 3-я танковая группа генерала Г. Гота, разгромив 11-ю армию Северо-Западного фронта и обойдя с севера 3-ю армию Западного фронта, устремилась в прорыв между нашими фронтами. Два германских моторизованных корпуса были нацелены на Минск. Павлов попытался преградить им путь резервными частями, сведенными в 13-ю армию генерала П.М. Филатова, но танки Гота ворвались в расположение штаба армии и разгромили его. Положение войск Западного фронта становилось все более критическим. На северном крыле фронта зияла брешь шириной в 130 км. Уже 26 июня 3-я танковая группа подошла к Минскому укрепрайону и завязала бои за город. На следующий день дивизии 4-й и 9-й немецких армий соединились восточнее Белостока, окружив значительную часть отступавших к Минску соединений 3-й и 10-й советских армий. На юге 2-я танковая группа Г. Гудериана, преодолевая все более слабеющее сопротивление 4-й армии, 25 июня форсировала р. Щара и двинулась на Минск и Бобруйск.

О положении соединений 4-й армии генерала Коробкова после первых столкновений с противником говорят строки оперативной сводки штаба армии за 24 июня 1941 г.: «Все части, за исключением 55 и 75 сд, не боеспособны и нуждаются в срочном доукомплектовании личным составом и матчастью и приведении в порядок... От постоянной и жесткой бомбардировки пехота деморализована и упорства в обороне не проявляет. Отходящие беспорядочно подразделения, а иногда и части приходится останавливать и поворачивать на фронт командирам всех сое-

динений, начиная от командующего армией, хотя эти меры, несмотря даже на применение оружия, должного эффекта не дали»²³.

Свою оценку обстановки на Западном фронте дал 27 июня 1941 г. в письме на имя секретаря ЦК КП(б)Б и члена Военного совета фронта П.К. Пономаренко начальник отдела политпропаганды одной из дивизий полковой комиссар Сумар. Он решил обратиться напрямую в штаб фронта: «Где наши войска? Где местная власть территории Западной Белоруссии?». Комиссар излагал свои наблюдения и делал заключение: «Все бежит на восток без всяких оснований... Никто боевой задачи нам не ставит, штабов армии и корпусов нигде не найти; снаряды, патроны, горючее и продовольствие на исходе»²⁴.

Быстрое продвижение противника предопределило потерю нашими соединениями в Белоруссии от 50 до 90% своих складов с боеприпасами, горючим, запчастями, продовольствием, которые были созданы в довоенное время²⁵. Все это резко и кардинально снизило боеспособность сил РККА. К 28 июня в мехкорпусах Западного фронта остались уже фактически единицы исправных бронированных машин. Командир 14-го мехкорпуса генерал-майор С.И. Оборин доносил 28 июня генералу армии Павлову: в 30-й танковой дивизии осталось два танка Т-26, один из них неисправный; в 22 тд танков – 0. «...Общие потери (примерно) 14 МК – 80%, из них убитых и раненых около 30%, остальные в тылах различных направлений. Принимаю меры сбора в районе г. Смоленска...»²⁶

Советские войска оказались фактически без прикрытия с воздуха, что усугубило ситуацию на фронте и периодически вызывало элементы паники. От частей, занимавшихся оборудованием оборонительного рубежа на р. Березина, в штаб Западного фронта поступило донесение, в котором говорилось о безнаказанных действиях германской авиации. В то же время констатировалось: «снарядов для зенитных орудий нет, истребительная авиация наша не появляется». Неудивительно поэтому, что противник, выйдя моторизованными колоннами восточнее Минска, фактически с ходу приступил к форсированию р. Березина с целью дальнейшего наступления на Могилев, Оршу, Витебск²⁷.

По данным штаба ВВС Запфронта, в первый же день боев противник, уничтожив на аэродромах и в воздушных боях 538 наших машин, потерял при этом 143 самолета. На следующий день потери сторон, по советским оценкам того времени, составляли соответственно 125 и 124 самолета. «За 8 дней войны наши потери, – говорилось в документе штаба ВВС Западного фронта, – составляли 1163 самолета, потери противника – 422». Сегодня, исходя из уточненных данных, советские потери представляются преуменьшенными, а потери противника преувеличенными. Но остается фактом – силам люфтваффе в первую же неделю войны был нанесен очень серьезный урон, и они столкнулись с сильным противодействием ВВС РККА.

22 июня бомбардировочная авиация Запфронта нанесла серию ударов по вражеским аэродромам Соколув, Седлец, Луков, Бяла-Подляска, а также по группировкам противника в Цехановец, Константинув, Августов, Сувалки, по промышленным объектам в Кенигсберге, Варшаве и др. пунктах²⁸. Так начиналась тяжелейшая и длительная борьба советских ВВС с германскими опытными летчиками за господство в воздухе. В составе ВВС Западного фронта к исходу 30 июня 1941 г. оставалось всего 124 истребителя и 374 бомбардировщика, объединенных в 7 дивизий. По советским данным, им противостояло около 800 германских самолетов 2-го воздушного флота. С началом военных действий ВВС фронта стали наносить удары по аэродромам противника и его танковым колоннам в районе Бреста, Молодечно, Барановичей, Минска. Судить о результативности работы нашей авиации очень трудно ввиду слабого (а порой и полного отсутствия) учета поражения тех или иных целей. Как утверждалось в официальном отчете, «по сохранившимся отрывочным данным, за период с 22 по 30 июня было сделано 2969 самолето-вылетов и сброшено 107 тонн 560 кг бомб...»²⁹.

Советские войска отступали, но постоянно оказывали сопротивление противнику. Для командования вермахта это стало первой и далеко не последней неожиданностью в войне на Востоке. Примечательным эпизодом (а как показала дальнейшая практика – основополагающим правилом) стала эффективная работа советской артиллерии. Уже в первые дни войны она заявила о себе с самой лучшей стороны. В одном из донесений с фронта говорилось о том, что «огнем нашей артиллерии подбито 10 танков на западном берегу р. Олла... 12 мотоциклов с пулеметами, один самолет. Артиллерия действовала отлично, бой продолжается до настоящего времени...»³⁰.

Неизбежным следствием разгрома 3, 10 и 4-й советских армий стал стремительный бросок германских механизированных соединений в район Минска. Оборона Минска стала трагической и в то же время героической страницей в летописи Великой Отечественной войны. Силы атакующих и обороняющихся были несопоставимы, защитникам города остро не хватало боеприпасов, но все же они в течение двух дней отражали яростные атаки танков и пехоты противника. Для германского командования было очень важно быстро овладеть столицей Белоруссии, поскольку это был важный узел железнодорожных и шоссейных сообщений, центр военного и политического управления, трамплин для дальнейшего продвижения на восток. Велико было и морально-психологическое значение захвата города. Стараясь подавить волю к сопротивлению его защитников, 24 июня на Минск был совершен массированный налет немецкой авиации. В значительной мере был разрушен центр города, прямым попаданием бомбы повреждены штаб Западного фронта, в том числе кабинет самого Д.Г. Павлова, в котором, к счастью, в тот момент никого не было³¹.

В то время когда бои развернулись на подступах к Минску, сам он был фактически оставлен войсками РККА и милицией. 26 июня советская авиаразведка засекла продвижение танков Гота на шоссе севернее города. Маршал Б.М. Шапошников немедленно вылетел в Москву, предварительно заручившись согласием Ставки на отвод сил на восток за укрепления Минского и Слуцкого УРов. Еще 25 июня Ставка приказала генералу Павлову срочно отвести войска из белостокского выступления³². Директива Военного совета фронта требовала стремительного отхода днем и ночью под прикрытием «стойких аррьергардов» и «широким фронтом». Но было уже поздно. Физически такое распоряжение было невыполнимо, так как к моменту получения приказа войска 3-й и 10-й армий находились уже фактически в полуокружении. Конечным рубежом отхода овладел враг³³.

Сам Минск, несмотря на наличие солидной системы укреплений, оказался слабо защищенным по причине нехватки войск. Весь удар приняли на себя стрелковые соединения 13-й армии генерала П.М. Филатова. Тем не менее Ставка и командование фронтом требовали драться за Минск с полным упорством. Павлов попытался если не остановить, то по крайней мере задержать танковые колонны врага с помощью остатков бомбардировочной авиации, которая, несмотря на господство люфтваффе в воздухе, самоотверженно выполняла поставленные задачи.

25 июня наши летчики совершили удачный налет на аэродром противника в Вильнюсе, но и сами понесли огромные потери. 26 июня в районе Радошковичей бессмертный подвиг совершили экипажи командиров 3-й и 4-й эскадрилий дальнебомбардировочного полка А.С. Маслова и Н.Ф. Гастелло, которые направили свои подбитые самолеты на скопление вражеской техники. Они не пожалели своих жизней ради того, чтобы сдержать натиск противника. И все же использование авиации часто оказывалось плохо продуманным. Вряд ли следует признать оправданным налет 313-го отдельного разведывательного полка на военные объекты Гамбурга 25 июня, который если и нанес некоторый ущерб немецкой промышленности, но никак не мог помочь защитникам Минска³⁴.

27 июня (по некоторым сведениям – уже 26 июня) к Минску прорвались первые германские десантные отряды, которые удалось пока локализовать. Основные силы танковых дивизий группы Гота выходили на подступы к городу с севера, а группы Гудериана – с юга. Защитники белорусской столицы, несмотря на безвыходное положение, продолжали держать удивительно упорную оборону. Штаб фронта находился в то время в движении к новому пункту назначения (Могилеву) и не мог влиять на боевые действия. 28 июня противник начал штурм Минска, и в 16 часов танковая группа Гота ворвалась в него³⁵. На следующий день в город вошли танки Гудериана, замкнув, таким образом, еще одно кольцо вокруг 3-й и 10-й армий Западного фронта. Вне кольца остались лишь часть соединений 13-й армии и

отчаянно сражавшиеся на Березине остатки 4-й армии, переподчиненные в начале июля приказом начальника Генштаба Жукова 21-й армии. Штаб 4-й армии выводился в район Пропойска³⁶. В сообщениях Совинформбюро от 28 июня и в последующие дни о захвате Минска ничего не говорилось. Минское направление упоминалось в последний раз 3 июля.

Командование вермахта стремилось воспользоваться благоприятной для себя ситуацией, с ходу продолжить продвижение на восток и в кратчайшее время выйти к Москве. Группа армий «Центр» получала дополнительные подкрепления, в том числе из резерва генерального штаба сухопутных войск и соседней группы армий «Север». Если к началу войны группа фон Бока имела 50 дивизий, то в начале июля – 63. 28 дивизий наступали в первом эшелоне (из них 9 танковых и 6 моторизованных). Преимущество врага на этом направлении было подавляющим.

Ставка Главного командования была вынуждена принимать все меры к недопущению дальнейшего беспрепятственного продвижения немецких бронированных колонн на восток. Новый командующий Западным фронтом маршал С.К. Тимошенко, занявший эту должность вместо снятого с должности и арестованного Д.Г. Павлова, 2 июля 1941 г. был вызван к прямому проводу для переговоров со Сталиным. В словах кремлевского хозяина было заметно смятение. Опасаясь развития событий по худшему сценарию, означающему скорое появление немцев у Смоленска, он спрашивал Тимошенко: «Нас интересует, заминировали ли вы автостраду Орша–Минск? Подходят ли на рубеж ваши части? Как идут работы на рубеже? (реки Днепр. – М.М.)... Знаете ли вы, что из частей Павлова отошло на рубеж, занимаемый вашими частями, в каком они состоянии?»

Тимошенко, едва войдя в должность, мог лишь реагировать на драматически развивающуюся обстановку. Принимаемые в этих условиях решения априори были неполноценными. Понимая, что большие потери неизбежны, военное руководство было обречено бросать вновь подходящие части с ходу в сражение (пусть даже по частям) – без этого противник гарантированно выходил на оперативный простор, в глубь европейской территории СССР. Тимошенко отвечал Сталину, что взрывчатые вещества подвозятся и новые части выходят к намеченным рубежам. Но войска фронта остро нуждаются в дизельном топливе, снарядах, разведывательной и истребительной авиации. Маршал констатировал, что «до вчерашнего дня никаких частей Павлова на наш рубеж не отходило»³⁷.

Окруженные под Белостоком и Минском советские части были обескровлены. На восток смогли прорваться лишь разрозненные подразделения, фактически потерявшие боеспособность. Маршал Г.И. Кулик, также оказавшийся в окружении, приказал находившимся рядом с ним командирам и бойцам переодеться в крестьянскую одежду и в таком виде выходить к своим. Группа,

руководимая маршалом, чуть было не угодила в руки к немцам, и лишь счастливый случай спас их от вражеского плена³⁸. Но многие бойцы и командиры даже под угрозой гибели не сдавались, как рассчитывали фашисты, и отчаянно дрались до 8 июля, приковав к себе до 25 дивизий противника. Их героическая борьба позволила практически заново сформировать Западный фронт, оборонительные линии которого прошли восточнее рек Западная Двина и Днепр. Немцы пытались продолжить безостановочный марш 2-й и 3-й танковых групп на восток, но усилившееся сопротивление советских войск не дало им возможности сохранить прежний темп движения. В то же время у советского командования появилась возможность сорвать наступление танковых соединений противника.

После того как Ставка и Генштаб пришли в конце июня 1941 г. к окончательному выводу о том, что основным стратегическим направлением на советско-германском фронте является западное, было принято решение провести масштабную перегруппировку выдвигавшихся из глубины страны войск. 27 июня 16-я армия получила приказ следовать из района Бердичева, Проскурова в район западнее Смоленска. Несмотря на то что часть эшелонов армии уже выгрузилась в полосе фронта генерала Кирпоноса, перегруппировка была завершена к 8 июля. Одновременно из района Киева в район Витебска перебрасывалась 19-я армия. Ставка предписывала также направить из внутренних округов и с других фронтов дополнительно на Западное направление до 70 дивизий. К 10 июля у Смоленска смогли сосредоточиться 32 новые дивизии, 9 осуществляли разгрузку, а 29 находились в пути. Прибывшие соединения были включены в состав 22, 20 и 21-й армий, развернувшихся на рубеже Западная Двина–Днепр³⁹.

К началу июля в распоряжение Тимошенко поступили сразу два свежих механизированных корпуса (5-й и 7-й). Вместе они представляли серьезную силу – в каждом было соответственно 924 и 715 танков. Немало было неисправных машин, но нанося короткие контрудары в треугольнике Витебск – Смоленск – Орша, корпуса могли надолго задержать врага и не дать ему продвинуться к востоку от Западной Двины и Днепра. Один из главных центров противостояния возник в начале июля на полоцком и лепельском направлениях, где разворачивались соединения 22-й армии генерала Ершакова.

Беда была в том, что Тимошенко все еще не отказался от мысли нанести группе армий «Центр» решительное поражение, осуществив контрудар танковой армией. Согласно плану, советские корпуса выступали с утра 6 июля во фланг и тыл полоцкой группировки противника и должны были прорваться в район Лепеля. Однако неверное определение направления ударов, недостаток воздушного прикрытия, отсутствие взаимодействия с пехотой и артиллерией привел к поражению. Едва начавшись, наступление вскоре натолкнулось на уничтожающий огонь германской авиации и

бронетанковых сил. Многие советские танки застряли в болотах и были подорваны экипажами. По некоторым подсчетам, контрудар стоил советским соединениям почти 2/3 парка боевых машин и не привел к желаемым результатам. Фронт лишился своей ударной силы и вынужден был совершать отход. Ошибки командования в сложившейся ситуации очевидны. Не проявила всех своих лучших качеств и артиллерия. Будущий маршал А.И. Еременко вспоминал, что «тяжелая артиллерия оказалась неповоротливой и также не имела опыта борьбы с танками»⁴⁰.

К 9 июля танки Гудериана подошли к Могилеву, а дивизии Гота пробили дорогу на Витебск. Таким образом, 4-я танковая армия противника (3 июля 3-я и 2-я танковые группы были временно объединены в 4-ю танковую армию) сумела достичь рубежа Западная Двина – Днепр и быстро форсировать водные преграды. Но лежащее далее пространство не являлось, как ожидалось, свободным. На пути бронированного кулака противника возникали все новые советские заслоны. Вдобавок в немецких соединениях начали сказываться предыдущие потери. Бросок от новой до старой линии госграницы СССР не прошел бесследно для германских моторизованных колонн, им необходимо было постоянно ремонтировать матчасть, теряя на это драгоценное время. Больших жертв стоило врагу взятие города Могилева, где стойко держались немногочисленные советские войска.

Однако в целом ситуация на фронте пока складывалась не в пользу РККА. Враг был очень силен и полон решимости продолжать быстрое наступление. Только за первые 18 дней боев Великой Отечественной войны Западный фронт с Пинской флотилией потерял 417 790 человек, в том числе 341 073 безвозвратно, 4799 танков (включая небоеспособные), 9427 орудий и минометов, 1777 самолетов⁴¹. Войска отступили на 600 км, оставив почти всю Белоруссию. Были потеряны огромные запасы продуктов, оружия, топлива, снаряжения. Вина за катастрофу Западного фронта была возложена на командование фронта. Павлов, его начальник штаба Климовских, несколько других генералов были сняты со своих постов, арестованы и расстреляны. В 1956 г. все они были реабилитированы посмертно. Потери группы армий «Центр» (погибшие, раненые, пропавшие без вести) в результате приграничных боев составили около 40 тыс. солдат и офицеров⁴².

Истоки катастрофического развития ситуации на Западном фронте в первые дни агрессии стали подробно анализироваться военно-исторической наукой еще с середины 1950-х г. С тех пор много было сделано и продолжает делаться в области изучения предвоенных ошибок нашего верховного руководства. Но Западный фронт постигла неудача и по причинам, которых можно было избежать с помощью мер, предпринятых командованием фронта. Среди них выделим следующие:

– неверное определение штабом Павлова векторов первых разящих ударов врага, что привело

к подавляющему численному превосходству противника на главных участках прорыва (генерал Фомин указывал на соотношение 1:5 в пользу немцев, или 12 советских дивизий против 64 немецких);

– сосредоточение неоправданно больших сил в потенциальном «мешке», коим являлся белостокский выступ;

– отсутствие настойчивости в мероприятиях по скорейшему приведению войск в полную боевую готовность на случай внезапного нападения врага;

– слабая обученность средств ПВО;

– отсутствие у фронта резервов и оборонительного рубежа по реке Щара, снятие с него войск в ночь на второй день войны, «вследствие чего противник, беспрепятственно заняв его, создал условия для окружения войск 3-й и 10-й армий»;

– запоздалое занятие рубежей УРов вдоль старой госграницы войсками 13-й армии;

– «безграмотное вмешательство маршала Кулика, по замечанию того же Фомина, в распоряжения Болдина (заместителя командующего фронтом. – М.М.) и Голубева (командующего 10-й армией. – М.М.), что привело к бесславному концу подвижной группы фронта».

В войсках отсутствовала и трезвая оценка противника, его возможностей. С другой стороны, все арестованные и расстрелянные затем руководители Западного фронта, как отмечал Фомин, «были оторваны от управления войсками в тот момент, когда их стараниями уже стали затухать темпы операции противника, а управление войсками налаживалось». Такова горькая правда лета 1941 г. По мнению же генерала В.И. Кузнецова (бывшего командующего 3-й армией), штаб фронта подвел отказ от подвижной обороны. Ошибкой был и контрудар в направлении Гродно, тогда как наилучшим решением стал бы удар по тылам 2-й танковой группы Гудериана, быстро продвигавшейся к Барановичам с юго-запада⁴³.

Добавим также, что большинство дивизий Западного и Киевского Особых военных округов, прежде чем занять оборону, должны были совершить перегруппировку на расстояния, исчислявшиеся в десятки километров, зачастую в непосредственной близости и параллельно границе. Возможности занятия обороны в глубине полосы или в районе дислокации соединений проработаны не были. В ряде случаев исходные районы войск находились в зоне видимости противника. В результате бойцы и командиры подвергались прямому воздействию вражеского огня еще до того, как могли привести себя в порядок или занять УРы. Многие укрепленные районы были быстро заняты штурмовыми отрядами вермахта без сопротивления.

Выходило так, что гигантские средства, которые выделялись на строительство укрепленных районов на новой госгранице, в большинстве случаев были растрачены впустую. Причины этого печального факта были проанализированы еще

в 1943 г. в работах офицеров Генштаба РККА, занимавшихся сбором и изучением опыта боевых действий. Они констатировали, что из намеченного к строительству укреплений на новой линии границы до войны успели закончить лишь 25%, причем из построенных объектов вооружено было 50%. «Во всех построенных сооружениях, – говорилось в материалах штабистов, – монтаж внутреннего оборудования не был закончен. В результате незаконченного строительства между укрепленными районами и узлами обороны имелись большие промежутки – от 30 до 100 км».

Несмотря на это, боевая подготовка частей УРОВ отмечалась как «вполне удовлетворительная» и в ряде случаев они оказали весьма ожесточенное сопротивление противнику (как, например, Перемышльский, Рава-Русский, Владимир-Волынский, Брест-Литовский УРы). На отдельных участках укрепленных районов наши бойцы сдерживали атаки до 8 дней. Перед Перемышльским УРом враг потерял около 4 тыс. солдат и офицеров, тогда как сам УР до 27 июня, пока не был отдан приказ на отход, лишился всего четырех красноармейцев – ранеными. Но на большинстве укрепленных участков бои разворачивались без поддержки полевых войск или без должного взаимодействия с ними. Нельзя не согласиться с выводом офицеров Генштаба РККА: «Внезапное нападение врага и незаконченное строительство УРОВ не дали возможность надолго задержать противника, но, все же, укрепленные районы в условиях создавшейся обстановки нанесли ему большие потери»⁴⁴.

Фактором стратегического значения, повлиявшим на катастрофу Западного фронта и неудачное развитие всего начального этапа войны, стала неверная оценка главного направления наступления врага. Наиболее опасным считалось юго-западное (южнее Полесья) направление. Фактически противник наносил основной удар на Смоленск и Москву, что давало ему возможность глубокого охвата советских войск в районе Белостока и Минска.

Западный фронт потерпел жестокое поражение. Но тяжелейшее положение сложилось в конце июня – начале июля 1941 г. и в полосах соседних Северо-Западного и Юго-Западного фронтов. За три недели боев советские войска оставили почти всю Прибалтику, отойдя на 450 км. На крайнем, северном фланге в конце июня перешла в наступление немецкая армия «Норвегия». Ее главной целью был незамерзающий порт Мурманск. Начав 29 июня сухопутное наступление, немцы потеснили подразделения 14-й армии, но так и не смогли преодолеть рубеж на р. Большая Западная Лица и занять п-ва Средний и Рыбачий, прикрывавшие вход в Кольский залив. В период с 30 июня–1 июля 1941 г. в Карелии перешли в наступление финские и немецкие части. Создалась реальная угроза выхода врага к Ладожскому озеру.

В общей сложности в приграничных сражениях приняли участие 170 советских дивизий, из которых 28 были полностью уничтожены. Потери трех фронтов (Западного, Северо-Западного и

Юго-Западного) составили около 600 тыс. человек, свыше 11,7 тыс. танков, около 4 тыс. самолетов и 18,8 тыс. орудий и минометов⁴⁵. Оценочные потери противника к 10 июля составили 79 058 человек, 1061 орудий и минометов, 826 самолетов и 350 танков, однако немцы смогли быстро восполнить их. К середине июля противник располагал 183 дивизиями и 21 бригадой⁴⁶. Значительное количественное превосходство в танках и самолетах, которое имела Красная армия к началу войны, было утрачено всего за считанные дни. Попали в окружение, погибли или были пленены сотни тысяч советских бойцов, имевших хоть какую-то подготовку. На смену им прибывали новобранцы, многие из которых не имели военных навыков. Все это напрямую влияло на качество советских войск, вело к новым поражениям.

Хотя советские войска понесли тяжелое поражение, июнь 1941 г. явил миру немало примеров подлинного героизма и самопожертвования советских солдат. Подвиг гарнизонов Брестской крепости, Минска, Лиенаи навсегда останутся яркими страницами борьбы советского народа с фашистской агрессией. Своей борьбой войска приграничных округов позволили советскому верховному командованию выиграть драгоценное время для подтягивания к фронту дополнительных резервов из внутренних районов СССР, которые, с ходу вступая в бой с противником, продолжали замедлять темпы его продвижения вперед. Итоги приграничных сражений повели за собой пересмотр многих устоявшихся стереотипов, переоценку собственных сил, осмысление характера начавшейся войны и тех жертв, которые потребуются для сопротивления врагу. Действующая армия и вся страна постепенно оправлялись от шока, вызванного вероломной агрессией, привыкали к новым условиям военного лихолетья. Было понятно, что от лозунга бить противника «малой кровью и на чужой территории» придется отказаться в пользу более насущной задачи: остановить смертельного врага любой ценой.

В результате неблагоприятного для Советского Союза исхода приграничных сражений немецко-фашистские войска в короткие сроки продвинулись на северо-западном направлении на 400–450 км, на западном – 450–600 км, на юго-западном – 300–350 км, захватили Литву, Латвию, значительную часть Эстонии, почти всю Белоруссию и Молдавию, вторглись на территорию РСФСР, вышли на дальние подступы к Ленинграду, угрожали Смоленску и Киеву. Около 23 млн советских граждан остались на оккупированной территории. Над страной нависла смертельная опасность.

Советское руководство прилагало максимум усилий для организации отпора захватчикам. Программу чрезвычайных мер содержала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. «Все для фронта, все для победы» – такова была ее главная идея, изложенная затем в выступлении И.В. Сталина по радио 3 июля. В нем выражалась уверенность, что справедливая борьба советского

народа за свободу своего Отечества завершится разгромом агрессоров, «согнется с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы».

23 июня была образована Ставка Главного командования (с 10 июля Ставка Верховного командования, с 8 августа – Ставка Верховного главнокомандования) – Высший орган стратегического руководства Вооруженными силами. Вся полнота власти в стране сосредоточивалась в руках образованного 30 июня Государственного Комитета Оборона (ГКО). Председателем ГКО, а затем и Верховным главнокомандующим Вооруженными силами СССР (с 8 августа) был назначен И.В. Сталин. На восток в срочном порядке производилась переброска из угрожаемых районов промышленных предприятий и рабочего персонала с семьями, чем руководил созданный 24 июня Совет по эвакуации.

Огромные потери и отступление РККА от границы вызвало к жизни приказ о формировании группы армий резерва Главного командования (командующий – маршал С.М. Буденный, член Военного Совета – Г.М. Маленков, начштаба – генерал-майор А.П. Покровский). В группу вошли: 22-я армия (штаб с 24.06 – Великие Луки), 20-я армия (штаб с 25.06 – Смоленск), 21-я армия (штаб в Чернигове), 19-я армия (штаб в Черкассах). В задачу объединения входило обустроить оборонительный рубеж по линии Сущево, Невель, Витебск, Могилев, Жлобин, Гомель, Чернигов, р. Десна, р. Днепр до Кременчуга⁴⁷. Однако эта задача оказалась во многом неразрешимой из-за быстрого выхода немцев к указанной линии, запоздалого и разрозненного (по частям) подхода советских соединений к фронту.

Уже 16 июля 1941 г. Государственный Комитет Оборона принял решение о строительстве оборонительного рубежа на дальних подступах к Москве – Можайской линии обороны протяженностью 230 км. Она простиралась с севера на юг от «Московского моря», западнее Волоколамска и Можайска, до слияния Угры с Окой и должна была включать в себя три оборонительные полосы – главную и 2 тыловые. Общая глубина оборонительного рубежа должна была составить 120–130 км. Главная полоса включала Волоколамский, Можайский, Малоярославецкий, а несколько позже и Калужский укрепленные районы. К строительству Можайского оборонительного рубежа широко привлекались трудящиеся Москвы и Московской области, а также сформированные в начале июля дивизии народного ополчения. К моменту выхода немецко-фашистских войск к данному району строительство находилось в самом разгаре. В четырех укрепленных районах Можайской линии обороны было сооружено 296 дотов из 760 намеченных. Только наполовину был выполнен план по созданию противотанковых рвов. Не удалось осуществить и задание по сооружению эскарпов и проволочных заграждений⁴⁸.

Заметим, что летом 1941 г. на Западном и на других фронтах создавались заграничные отряды, и происходило это примерно за год до приказа Сталина № 227 от 28 июля 1942 г., когда они официально были введены в армии наряду со штрафными подразделениями. Интересно привести данные из оперативной сводки начальника войск НКВД УССР и охраны войскового тыла Юго-Западного фронта (ЮЗФ) полковника Рогатина Военному совету ЮЗФ о работе заградительных отрядов на дорогах и подступах к Киеву с 5 по 12 июля 1941 г. За это время было задержано из числа среднего начсостава 80 чел., младшего – 237, красноармейцев – 2498; гражданских лиц – 4728 и многие сотни единиц техники. Органами военной прокуратуры, куда передавались подозрительные лица из района Киева и других мест, где работали заградотряды, за период с 9 по 12 июля было осуждено «за агитацию и другие контрреволюционные преступления к расстрелу – 15 чел., к лишению свободы – 7 чел. За уклонение от мобилизации – к расстрелу 4 чел., к лишению свободы – 4 чел...»⁴⁹.

Срочные меры с целью во что бы то ни стало остановить противника приносили свои плоды. 10 июля началась битва за Ленинград, которая сковала крупные силы немецко-фашистских войск и финскую армию. В Смоленском сражении (10 июля – 10 сентября 1941 г.), развернувшимся на фронте до 650 км и в глубину до 250 км, наступление противника на Москву было приостановлено, но лишь временно. Войска Юго-Западного и Южного фронтов с боями оставили Киев, Одессу, затем западные районы Донбасса. Противник ворвался в Крым, подошел вплотную к Севастополю, в ноябре достиг Ростова-на-Дону.

Потери советских войск были огромны и продолжали расти. Ориентировочно уже за первый месяц войны они составили 1 млн человек, из них убитыми и умершими от ран 300 тыс., 700 тыс. пленными. В сентябре на Левобережной Украине попали в плен еще около 450 тыс. человек и позднее, в боях под Брянском и Вязьмой, еще 600 тыс. С июня по декабрь 1941 г. Красная армия и Военно-Морской Флот потеряли:

- убитыми, умершими от ран, оказавшимися в плену и пропавшими без вести – 3138 тыс. чел.;
- ранеными, контуженными, заболевшими – 1336 тыс. чел.;
- более 6 млн единиц стрелкового оружия, 20 тыс. танков и САУ, 100 тыс. орудий и минометов, 10 тыс. самолетов.

Территория СССР, занятая вермахтом, превысила 1,5 млн кв. км, что в три раза больше, чем территория Франции⁵⁰. В середине июля было принято решение упразднить управления стрелковых, механизированных, авиационных корпусов. Воевать приходилось теперь более мелкими формированиями. Иного пути, в связи с потерями, просто не существовало. Потери необходимо было возобновлять в срочном порядке. Перевод армии и страны на военные рельсы требовал громадных человеческих и материальных ресурсов. По

■ 2012 – Год российской истории

указанию Ставки формировались новые соединения, части, понесшие большие потери, выводились в тыл и пополнялись личным составом, на запад шли маршевые батальоны. Но и здесь не обошлось без перегибов. На фронт прибывало старшее поколение 1895–1904 гг. рождения, которое в принципе могли оставить дома – трудиться в промышленности и сельском хозяйстве ради быстрее перелома в войне. Оценить пагубность такого решения сейчас не представляется возможным. Слишком велика была ставка борьбы с агрессором.

Печально, но факт, что даже в это время у командования РККА, да и у рядовых солдат, продолжало сохраняться убеждение в том, что победы Германии есть результат некоего невезения, что вскоре все коренным образом изменится – враг выдохнется, и Красная армия перейдет в решительное контрнаступление. Подобные настроения были далеки от реально складывавшейся обстановки на фронте. Но, отступая, часто в беспорядке и с большими потерями, Красная армия тем не менее срывала важнейшую установку плана «Барбаросса»: уничтожить советские войска ударами танковых клиньев, не допустить отхода советских армий в глубь территории страны. Постепенно в развернувшейся до крайнего ожесточения борьбе все большее значение приобретали твердость духа советского народа и его самоотверженность

на фронте и в тылу, превосходящие материальные возможности страны. Сотни тысяч людей участвовали в развернувшейся партизанской и подпольной борьбе, организованной в оккупированных врагом районах.

С каждым месяцем сопротивление советских войск усиливалось, совершенствовалось искусство организации оборонительных действий. Это лишило врага возможности вести наступление в запланированных им темпах. Если первые три недели войны фашистские войска продвигались в среднем по 20 – 30 км в сутки, то с середины июля по 7 августа этот суточный темп снизился до 3,5 – 8,5 км. В сентябре враг был остановлен у стен Ленинграда, в ноябре – у Ростова-на-Дону, а в начале декабря – под Москвой.

Myagkov M.Y. Catastrophe in Belorussia 1941.

Summary: *The article describes the first days of the Great Patriotic war and tragic events in Byelorussia, which took place soon after the German aggression. The material based on new documents from Russian archives demonstrates reasons of the catastrophe of the Soviet Western front under general Pavlov's command and failures of USSR troops in the border battles. The analysis of documents allows us to reconstruct more coherent story of the operations in June-July 1941 that had a great impact on the Germany plans to destroy Soviet armies in Blitzkrieg.*

Ключевые слова

Великая Отечественная война, план «Барбаросса», приграничные сражения, Западный фронт, группа армий «Центр».

Keywords

Great Patriotic War, Barbarossa plan, Border operations, Western front, "Centre" Army group.

Примечания

1. 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 3.
2. 1941 год. Страна в огне.: В 2 кн. / Отв. ред. А.О. Чубарьян, В.А. Смолий, А.А. Коваленя. Рук. проекта О.А. Ржешевский, А.М. Литвин, А.Е. Лысенко. М., 2011.
3. Великая Отечественная война 1941–1945.: В 12 т. Т.1. М., 2011; Т.2. М., 2012.
4. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104; Мюллер-Гиллебрант Б. Сухопутная армия Германии 1933–1945. Т.3. М., 1976. С. 269–270.
5. Великая Отечественная война 1941–1945 гг. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1995. С. 104.
6. ЦАМО РФ. Ф.127. Оп.12915. Д.16. Л.307–314.
7. 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С. 84, 85.
8. ЦАМО РФ. Ф.15. Оп.725588 с. Д.36. Л.294–302.
9. Анфилов В.А. Указ. соч. С.103.
10. 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.93.
11. Семидетко В.А. Западный фронт в начальный период Великой Отечественной войны. Новые документы. Стратегическая оборонительная операция в Белоруссии 22 июня — 9 июля 1941 г. // Мир истории (электронный журнал). (<http://gpw.tellur.ru/page.html?r=operations&s=bel41>).
12. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2589. Д.91. Л. 2–7.
13. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 899. Л. 1–6, 29.
14. ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11353. Д. 899. Л. 100, 123–124, 142.
15. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2511, Д. 36. Л.1.
16. 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.100–102.
17. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.2511. Д.36. Л.19.

18. Очевидно, в горячке событий в памяти автора рапорта смешались распоряжения сразу двух директив — № 1 и № 2, — подготовленных изначально в Москве для передачи командованию на фронте. Тогда как в содержании первой директивы говорилось о приведении войск в боевую готовность и недопущении провокаций, в тексте второй, подписанной С.К. Тимошенко, Г.К. Жуковым и Г.М. Маленковым (в рукописном экземпляре автографа Тимошенко нет), присутствовало требование: «Впредь, до особого распоряжения, наземными войсками границу не переходить». Директива № 2 отправлена из Москвы в 7 ч 15 мин 22 июня 1941 г.
19. РГВА. Ф.9. Оп.39. Д.99. Л.329-339.
20. Киселев О.Н. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война. Энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2010. С. 471
21. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн./ Отв. ред. А.О. Чубарьян, В.А. Смолий, А.А. Коваленя. Рук. проекта О.А. Ржешевский, А.М. Литвин, А.Е. Лысенко. Кн. 1. Очерки. М., 2011. С. 350.
22. Асташин Н.А. Брестская крепость // Великая Отечественная война. Энциклопедия. М., 2010. С.91-93.
23. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л.9.
24. ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2511. Д.29. Л.164.
25. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.2513. Д. 72. Л.134- 340.
26. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.2511. Д.36. Л.13.
27. ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2511. Д.29. Л. 18-19, 104-105.
28. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп. 2589. Д.91. Л. 11-15.
29. ЦАМО РФ. Ф. 208. оп.2589. д.91. л.15-16.
30. ЦАМО. Ф. 208. Оп. 2511. Д. 36. Л.16.
31. 1941 год: Страна в огне: В 2 кн./ Отв. ред. А.О. Чубарьян, В.А. Смолий, А.А. Коваленя. Рук. проекта О.А. Ржешевский, А.М. Литвин, А.Е. Лысенко. Кн. 1. Очерки. М., 2011. С.341.
32. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.10169. Д. 17. Л.59.
33. 1941 год: Страна в огне. Кн.1. С.349.
34. 1941 год: Страна в огне. Кн.1. С.353.
35. 1941 год: Страна в огне. Кн.1. С.355-359.
36. ЦАМО РФ. Ф. 208. Оп.2511. Д.36. Л.21, 25.
37. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т.16 (5-1). М., 1996. С.43-44.
38. РГВА. Ф.9. Оп.39. Д.99. Л.329-339.
39. 1941 год – уроки и выводы. М., 1992. С.105.
40. Еременко А.В. В начале войны. М., 1965. С.111.
41. Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / Г.Ф. Кривошеев, В.М. Андроников, П.Д. Буриков, В.В. Гуркин. М., 2009. С.78; Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 147.
42. ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп.12454. Д.65. Л. 44-331. Д. 133а. Л. 1, 332.
43. ЦАМО РФ. Ф.15. Оп.725588 с. Д.36. Л. 294-302; 343-346.
44. Сборник материалов по изучению опыта войны. № 3. М.: Воениздат, 1943. С. 122-124.
45. Великая Отечественная война. 1941-1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998. С. 164.
46. Киселев О.Н. Приграничные сражения 1941 г. // Великая Отечественная война. Энциклопедия. Отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2010. С.474
47. ЦАМО РФ. Ф.208. Оп.2511. Д.2. Л.19-20.
48. Москва военная. 1941-1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995, С. 308.
49. ЦАМО. Ф. 16. Оп. 973. Д. 7. Л. 282-285.
50. Кульков Е.Н., Мягков М.Ю., Ржешевский О.А. Война 1941-1945. Факты и документы. М., 2001. С. 55-56.